

СДАСТ ЛИ РОССИЯ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЭКЗАМЕН В КРЫМУ?

Александр Сандлер,
юрист
(Украина, Киев)

Недавно на сайте BBC профессор международного права Кембриджского университета М.Веллер опубликовал статью, название которой говорит само за себя: «Анализ: почему российский поход в Крым не выдерживает юридической проверки?».¹ Ее публикация была широко анонсирована. Увы, могу предположить, что, прочитав статью, многие читатели будут разочарованы предложенным в ней уровнем аналитики.

Российский «поход» в Крым (а иная версия событий и не рассматривается в этой статье) проф. Веллер подводит под определение агрессии, принятого Генеральной Ассамблеей ООН в 1974 г. (резолюция ГА ООН 3314 (XXIX)), в соответствии с которым использование вооруженных сил, базирующихся на территории иностранного государства, в нарушение условий договоров о базировании рассматривается как акт агрессии. И хотя в статье отмечается, что действия российского Черноморского флота в Крыму еще не приобрели масштаба, который оправдывал бы обращение Украины к средствам самообороны, вывод, который должен сделать читатель, вполне очевиден: все дальнейшее развитие событий следует квалифицировать как агрессию России против Украины.

Резолюция 3314 стала важным шагом вперед в развитии принципа запрещения силы или угрозы силой, закрепленного в пункте 4 Статьи 2 Устава ООН. Этим определяется ее место в праве международной безопасности. Но принимая во внимание основной тезис статьи, следует подчеркнуть, что ни данная резолюция, ни другие документы, принятые с целью кодификации права международной безопасности, не затрагивают пределы действия самого этого принципа, как они были определены составителями Устава. Установленный ими запрет относится к использованию силы «каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций» и практика органов ООН, толкующих и применяющих Устав, всегда шла по пути установления в каждом конкретном случае: является ли применение силы совместимым с целями организации или, напротив, расходится с ними? В известных случаях ООН приходила к выводу, что сложные международные ситуации, в абстрактном плане подпадающие под определение агрессии, в действительности оказывались мерами самообороны или средствами принуждения, допускаемыми международным правом.

С этой точки зрения насколько обоснованы правовые мотивы, заявленные в постановлении Совета Федерации России и состоящие в том, что российские вооруженные силы могут быть использованы на территории Украины в связи с наличием «угрозы жизни граждан Российской Федерации, наших соотечественников, личного состава воинского

¹ Weller, «Analysis: Why Russia's Crimea Move Fails Legal Test».

контингента вооруженных сил Российской Федерации, дислоцирующегося в соответствии с международным договором на территории Украины (Автономная Республика Крым)»? В какой мере вообще гуманитарные цели вооруженной интервенции могут считаться совместимыми с Уставом ООН?

Право государств защищать жизнь и собственность своих граждан вооруженным путем (самопомощь), безусловно, признавалось в международном праве вплоть до заключения в 1928 г. Парижской конвенции, известной как Пакт Бриана-Келлога, закрепившей принципиальный отказ от использования силы в международных отношениях. С тех пор самопомощь вытесняется из международного права, а окончательно общий запрет на использование силы устанавливается Уставом ООН. Однако, целый ряд авторов, в том числе столь авторитетные как Уолдок и Бауэт², разделяя этот тезис, все же считали, что право на вооруженную интервенцию в гуманитарных целях сохраняется и в современном международном праве. Их доводы сводятся к следующему: Устав ООН прямо предусматривает право на самооборону (Статья 51), а содержание этого права, в свою очередь, должно определяться обычным международным правом, предшествовавшим Уставу. Именно на эту доктрину ссылался министр иностранных дел Великобритании, оправдывая в Парламенте британское вторжение в Египет в 1956 г. для защиты жизни соотечественников.³

В дипломатической истории нет недостатка в примерах, когда международное сообщество вполне терпимо относилось к интервенции с гуманитарными целями. Напомним, что в 1964 г. Бельгия при поддержке двух других государств, постоянных членов Совета Безопасности ООН, осуществила вооруженное вторжение в Конго для защиты своих граждан от вспыхнувшего там восстания.

Гуманитарные мотивы были выдвинуты США для оправдания вооруженных действий в Санто-Доминго в 1965 г. и на Гренаде в 1983 г. В последнем случае в СБ ООН высказался озабоченность лишь масштабами и продолжительностью вмешательства.

Аналогичным образом Израиль обосновывал свою вооруженную операцию по освобождению заложников в Уганде в 1976 году. Совет Безопасности тогда выразил опасение, что тем самым создается опасный для суверенитета африканских государств прецедент, но, тем не менее, не осудил эту акцию как незаконную.

Международный суд ООН, рассматривая дело о захвате в заложники дипломатического и консульского персонала США в Тегеране в 1979 г., не затронул вопрос о законности вооруженной операции США по их освобождению. Аналогичную операцию США повторили во время гражданской войны в Либерии в 1990 г.

² Waldock, «Hague Recueil (1952, II)», pp. 455, 466 – 7. Bowett, «Self-Defence in International Law», pp. 87 – 105.

³ Brownlie, «International Law and The Use of Force by States», 1963, pp. 297 – 299.

Гуманитарная помощь, как известно, была объявлена главной целью ввода вооруженных сил НАТО в бывшую Югославию в начале 90-х. Сходные меры принимались ООН в отношении Руанды и Сомали.

Гуманитарные цели неоднократно подчеркивались в британских официальных заявлениях в связи с установлением бесполётных зон для Ирака в 1992 г. Тогда министр иностранных дел Великобритании Д. Херд в телевизионном интервью твердо высказался в поддержку права на гуманитарную интервенцию: «Мы действуем согласно международному праву. Не все действия, предпринимаемые правительством Великобритании, американским и французским правительствами, должны предписываться положениями резолюций ООН, поскольку мы соблюдаем международное право. Международное право признает крайнюю гуманитарную необходимость. Все те, кто изо дня в день получает доклады ООН ..., не ставят под сомнение наличие крайней гуманитарной необходимости ... Нам ясно, французам ясно, американцам ясно: мы стоим на твердой правовой почве, когда устанавливаем эту «бесполётную зону»⁴.

Также твердо были убеждены в международно-правовой обоснованности своих действий страны НАТО при проведении воздушных атак на Ливию.

Разумеется, это далеко не полный перечень ситуаций, сопоставимых с украинским кризисом. Чаще всего их расценивали как утверждение практики «двойных стандартов». Наверно, с такой оценкой следует согласиться. Но практика государств такова, какова она есть. Возможно, она должна была бы быть иной, но именно ответ на этот вопрос и определяет, что есть международное право сегодня. К сожалению, обо всем этом не упоминает в своей статье проф. Веллер, поэтому складывается впечатление, что в его рассуждениях преобладает не юридический анализ, а пропаганда.

⁴ «The British Yearbook of International Law», 63 (1992), p. 824.